

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО.

СТОЯНКА ВЪ ДЫМОГАРЬ.

(ДОНЪ-ЖУАНЪ.)

Въ эпоху, избранную мною для разсказа, все наше нравственное безобразіе ничѣмъ не прикрывалось передъ обществомъ, потому что общество вырабатывало всѣ необходимые элементы для этого безобразія, и людей, заявившихъ себя съ самой безнравственной стороны, принимало въ среду свою со всѣми знаками уваженія, если они успѣли нажить состояніе. Разумѣется, честные и образованные люди поодиночкѣ и тогда называли вещи ихъ собственными именами, но это были гласы, вопіявшіе въ пустынѣ, потому что большинство, особенно погрязшее въ крѣпостномъ правѣ, находило подобное положеніе непремѣннымъ условіемъ гражданскаго устройства и открыто покупало все, чѣмъ только могли торговать безсовѣстность, пронырливость, алчность и произволь. Истинѣ много надо было усилій преодолевать препятствія, чтобы дойти до высшаго правительства, и хотя обнаруженныя злоупотребленія карались со всей строгостію законовъ, однако, если обвиненный обладалъ связями или «презрѣннымъ металломъ», дѣло представлялось въ болѣе смягченномъ видѣ, и господинъ, нажившій сотни тысячъ, отставлялся только отъ службы и уѣзжалъ устраивать благопріобрѣтенное имѣніе. Иногда злоупотребленія покрывались для того, чтобы тѣнь не падала на вѣдомство, на томъ основаніи, что казна не обѣднѣетъ, а пострадаетъ честь мундира и т. п. Молодыя поколѣнія воспитывались въ тихихъ же понятіяхъ.

Честно служить наукѣ, искусству, промышленности—объ этомъ помышляли весьма немногіе; заботой и мечтой всѣхъ и каждаго была коронная служба, но лишь съ двойкой цѣлью: добиться почестей или сколотить копѣйку. Общественная польза и гражданскій долгъ были только фразы, и то у людей образованныхъ; необразованные же не употребляли и этихъ фразъ, а шли прямо къ цѣли—кто къ чинамъ и орденамъ, кто къ «презрѣнному металлу». Слѣдуя за подобнымъ настроеніемъ общества, вникая въ принципы, вошедшіе въ плоть и кровь массы, вспоминая о тогдашнихъ взяточникахъ, казнокрадахъ и *tutti quanti*, нельзя сказать вообще, чтобы это были совсѣмъ дурные или безнравственные люди; напротивъ, много изъ нихъ можно насчитать хорошихъ мужей, отличныхъ отцовъ семейства и добрыхъ людей, охотно помогавшихъ ближнему. Конечно, большинство брало, но брало, не подозрѣвая даже гнусности поступка. Напримѣръ, военные начальники отдѣльныхъ частей наживались въ полной увѣренности, что такъ слѣдовало, иначе быть не могло, и нѣкоторые изъ нихъ не знали даже о существованіи закона, преслѣдовавшаго злоупотребленіе полковымъ хозяйствомъ.

Несмотря на неблагопріятное мнѣніе меньшинства, направленного противъ взяточничества, казнокрадства и т. п., и теперь еще многіе наперерывъ добиваются тепленькихъ, доходныхъ мѣстечекъ, а лѣтъ тридцать тому назадъ, когда журнальныя статьи прямо назывались враками, нападки же на взяточниковъ чесаньемъ досужихъ языковъ, иные весьма почтенные люди были глубоко убѣждены, что на службѣ не только можно, но даже должно составлять себѣ состояніе. «Обдѣлывать дѣла», обходя законъ, не считалось предосудительнымъ; напротивъ, тотъ, кто гнушался взяточничествомъ и съ негодованіемъ отворачивался отъ казнокрадства, получалъ названіе чудака, простофили и нерѣдко слылъ вреднымъ чловѣкомъ, котораго товарищи, а подѣ-часъ и начальники, спѣшили выжить изъ службы. Но если, въ послѣднее время, казнокрадство и плутни начали, по крайней мѣрѣ, называться настоящими именами, и если особы, преданныя этимъ почтеннымъ занятіямъ, стараются, по возможности, дѣйствовать подѣ сурдиной, то тридцать лѣтъ назадъ никто не стѣснялся ни общественнымъ мнѣніемъ, котораго не существовало, ни гласностію, которая только въ видѣ шутки пробовала выставлять отдѣльные лица и случаи. Тогда поступали открыто и безцеремонно

высказывали убѣжденія. Отецъ охотно отдавалъ сына въ путейское вѣдомство, на томъ основаніи, что путеецъ непремѣнно приобрѣтетъ капиталъ; молодой человѣкъ просилъ перевода въ комиссаріатскій или провіантскій штатъ, рассчитывая добиться теплаго мѣстечка; въ юстиціи тоже, какъ и въ другихъ министерствахъ, были завѣтныя должности; даже въ военной службѣ командованіе частію представляло извѣстныя выгоды, и каждый, не краснѣя, говорилъ о своихъ безгрѣшныхъ доходахъ, какъ о чемъ-то присвоенномъ его званію. Однимъ словомъ, прямая честность, какъ понимаютъ ее теперь, была въ прежнее время рѣдкостію и хотя по наружности уважалась всѣми, однако большинство называло ее нелѣпой фантазіей и смѣялось надъ бѣднякомъ, который могъ иногда пользоваться благами жизни, но не пользовался оттого, что считалъ безчестнымъ и незаконнымъ наживаться на чей бы то счетъ ни было. И теперь еще есть благодатныя мѣста, за которыя идетъ глухая борьба между конкурентами; но нынѣшніе конкуренты прикидываются уже прогрессистами, и многіе изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ, что пора «очищать грязь», «отряхатъ рутину» и т. п. фразы. Въ старые годы, никто не прикидывался подобнымъ прогрессистомъ, потому что, пожалуй, не получалъ бы и тепленькаго мѣстечка. Теперь если берутъ, то стараются взять такъ, чтобы лѣвая рука не знала, что взяла правая, а въ бывшее время умнѣе брать было возведено въ систему и подчинялось подробной таксѣ. Послѣ крымской войны, взяточничество перемѣнило форму, но осталось въ привычкѣ, потому что наследственныя болѣзни, вѣковые обычаи не могутъ проходить отъ палліативныхъ средствъ. Въ доброе старое время славно было ловить рыбку въ мутной водицѣ.

Хотя въ моихъ «очеркахъ прошлаго» я описываю военный бытъ, однако считаю необходимымъ, въ общихъ чертахъ, сказать объ эпохѣ, потому что мой читатель имѣлъ бы полное право задуматься, встрѣчая несовмѣстныя черты въ одномъ и томъ же характерѣ. Съчь соп амоге утромъ подчиненныхъ, а вечеромъ, въ обществѣ барынь, разстрогиваться при чтеніи какого нибудь слезливаго романа, обирать казну и въ то же время съ негодованіемъ отзываться о чиновникѣ, взявшемъ взятку; надувать цыгана, еврея, даже родственника лошадыми и вызывать на дуэль товарища за двусмысленное выраженіе — по крайней мѣрѣ въ мое время было такъ обыкновенно, что человѣка, ко-

торый вздумалъ бы удивляться подобному порядку вещей, сочли бы жителемъ другой планеты. Былъ даже одинъ видъ воровства, не считавшійся предосудительнымъ—это украсть собаку, какой бы она цѣнности ни была; но, кажется, этотъ похвальный обычай и понынѣ не исчезъ съ лица земли, потому что мнѣ очень недавно удалось слышать, какъ одинъ господинъ громкогласно говорилъ своимъ знакомымъ, что въ Москвѣ «подтибрилъ» отличнаго водолаза. Но что страннѣ всего въ описываемую эпоху, даже высшее образованіе не всегда спасало человѣка отъ мiazмовъ рутинны, и сколько бывало примѣровъ, что юноша чрезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи курса, попавъ на мѣсто казначея или квартирмейстера, обдѣлывалъ дѣлишки не только подобно малограмотнымъ предшественникамъ, но съ большою выгодною, какъ бы нарочно прилагая свои познанія къ неблагоприятному дѣлу. Конечно, здѣсь играли большую роль начала, положенныя въ семействѣ, потому что иной разъ кое какое окончаніе курса въ университетѣ дѣлалось собственно для полученія степени; но, во всякомъ случаѣ, студентъ не могъ не понимать, что было хорошо и что дурно. Черезъ десять, пятнадцать лѣтъ службы—я не говорю—это другой вопросъ: тутъ уже всѣ гуманныя и прогрессивныя убѣжденія разбивались при столкновеніяхъ съ форменной дѣйствительностію—человѣкъ, втянувшійся въ службу съ тѣмъ, чтобъ добиться въ ней вещественныхъ благъ, долженъ былъ подойти подъ извѣстный уровень; странно то, что молодежь развитая и образованная такъ скоро ломала свои нравы и обычаи.

Надо сказать, что и начальство того времени смотрѣло не весьма благопріятно на воспитанниковъ высшихъ заведеній, которые, по смыслу своего аттестата, получали первый чинъ чрезъ шесть мѣсяцевъ. Впослѣдствіи—и я уже попалъ въ эту категорію—студенческое право ограничилось прибавкою: «буде познаніями по службѣ окажется того достоинъ». Въ силу этой прибавки иные студенты служили юнкерами по два года, вслѣдствіе усмотрѣнія начальства. Рассказываю это мимоходомъ, кстати. Слова «ученый», «физикъ» и «студіозъ» служили терминami распеканціи отъ властей, которыя прибавляли къ этому: «я вытрясу изъ тебя ученый духъ!» «я усмирю тебя!...» и прочія любезности. Встрѣчались, однакожъ, полковые командиры и генералы, которые ласкали образованную молодежь и давали ей дорогу.

Всѣ субалтернъ-офицеры вели разсыянную или разгульную жизнь, всѣ штабные и командиры частей, кромѣ этого, заботились о хозяйствѣ, и если взять быть какого нибудь полка массой — немного можно было извлечь отряднаго. Нѣсколько личностей встрѣчалось достойныхъ и образованныхъ; но они стирались въ гнетущей, развѣдающей средѣ картежи, оргій или сантиментальнаго волокитства.

Надо замѣтить, что была странная полоса времени, въ которую восхвалялась любовь платоническая, т. е. духовное обожаніе безъ всякихъ земныхъ помысловъ, разумѣется на словахъ, потому что подобное чувство несомнѣнимо съ природой человѣка. Если средневѣковой рыцарь могъ быть влюбленъ порой заглазно въ даму своего сердца, то въ эпоху фанатизма можно еще допустить какую угодно нелѣпость; въ позднѣйшее же время это была напускная дурь, которая, впрочемъ, имѣла доступъ и въ кружки университетской молодежи. Офицеры, начитавшись тогдашнихъ романовъ и сладенькихъ стишковъ, любившіе, впрочемъ, проводить время весьма не платонически, считали обязанностію стоять за духовную любовь, которая называлась еще возвышенной, благородной, поэтической, въ отличіе отъ земной, вызывавшей, разумѣется, на словахъ, презрѣніе, но обыкновенно оканчивавшей многія платоническія затѣи. Нестественное чувство платонизма проповѣдывалось, конечно, не всѣми, но всегда можно было встрѣтить нѣсколько офицеровъ, которые защищали этотъ принципъ, стараясь доказать поэтичность своей природы, заключающуюся, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что поэтъ отрѣшается отъ всего земнаго и паритъ въ заоблачныхъ сферахъ. Такимъ, по ихъ словамъ, достаточно было упиваться взорами любимой особы, небесной улыбкой, а самая мысль объ обладаніи ею казалась уже преступленіемъ. Нелѣпая и невозможная эта доктрина поддерживалась молодежью даже въ офицерскихъ бесѣдахъ, гдѣ, за стаканомъ пуншу, противники платонизма развивали свое ученіе, осыпая самыми циническими выходками донкихотовъ XIX столѣтія. Матеріалисты оказывались всегда правыми, потому что платоники не могли долго выдерживать своей роли и, покорившись нѣкоторое время, переходили въ лагерь противниковъ, насмѣхаясь надъ своей дикой утопией. Кажется, можно сказать, что не было платониковъ по убѣжденію, но мода на эту доктрину господствовала повсемѣстно, и не одинъ лихой гусаръ пускался въ

платоническія жмурки. Особенность эту я занову потому, что она очень любопытна въ эпоху жесткости нравовъ, при полномъ могуществѣ крѣпостнаго права. Природа лучше всего доказывала несостоятельность платоническихъ тенденцій, земная любовь постоянно опровергала ихъ фактами; но отъявленный волокита и жеманная барыня или восторженная барышня старались на первыхъ порахъ разыгрывать роль платониковъ. Завязывалась возвышенная дружба и оканчивалась, по большей части, прозаическимъ образомъ. Впрочемъ, любить поэтически допускалось только женщину равнаго или высшаго сословія, а остальные классы не пользовались этимъ предпочтеніемъ, такъ что самый ярый платоникъ, страдавшій по какой нибудь княжнѣ, довольствовавшійся одними вздохами, цѣловавшій ея бантики и ленточки, выпрашиваемые на память, въ то же время соблазнялъ мѣщанскую или крестьянскую дѣвушку, прикидываясь влюбленнымъ и расточая клятвы и увѣренія. Одно другому не мѣшало. Въ разговорахъ между товарищами возникали, впрочемъ, ссоры, если, напримѣръ, платоникъ описывалъ предметъ своей любви розовыми красками, представляя его въ идеальномъ видѣ, а матеріалистъ дорисовывалъ образъ болѣе крупными чертами и употреблялъ не поэтическія, а обыкновенныя кавалерійскія выраженія.

Незнакомый съ подробностями тогдашняго общественнаго строя, критикъ новѣйшей эпохи развѣ не вправѣ назвать явнымъ вымысломъ лицо, которое утромъ наказываетъ подчиненныхъ, потомъ обманываетъ казну, послѣ обѣда клянется въ любви бѣдной крестьянской дѣвушкѣ съ цѣлю воспользоваться ея слабостію, потомъ ѣдетъ вздыхать предъ своимъ идеаломъ, и дома цѣлуетъ завядшій цвѣтокъ, выпрошенный на память. А, между тѣмъ, въ тѣ времена подобныя личности не скажу попадались сплошь и рядомъ, но были далеко не рѣдки, хотя подобное настроеніе и не могло быть продолжительнымъ. Критикъ позднѣйшей эпохи можетъ счесть такую личность аномаліей и, пожалуй, посмѣется надъ авторомъ за выводъ на сцену характеровъ уродливаго свойства. У насъ же кстати нѣтъ или есть очень мало записокъ (мемуаровъ) того или другаго періода; остаются только литературныя произведенія да офиціальныя архивы, но и тѣ и другіе не дадутъ понятія о данномъ времени. Литература тридцатыхъ годовъ не воспроизводила дѣй-

ствительности, а подчивала публику героями; официальные же дѣла производились такъ, что трудно на нихъ основываться.

Не знаю, будетъ ли особенностію взятаго мною времени—особенность эта проходить сквозь всѣ десятилѣтія—но для полноты я долженъ сказать, что нѣмцы обдѣлывали въ службѣ свои дѣла гораздо лучше Русскихъ. Какъ далъ ихъ Петръ I въ учителя нашему племени, такъ они и оставались въ этомъ званіи, и если начальникъ какой нибудь части былъ изъ нѣмцевъ, то въ средѣ ему подчиненной появлялись его соплеменники и образовывали свою колонію. Въ то время уже переводились типы прежнихъ нѣмцевъ, потому что ихъ начали вытѣснять нѣмцы, выходявшіе изъ кадетскихъ корпусовъ; но все еще было довольно личностей, которыя чрезвычайно дурно говорили по русски. Личности эти считали излишнимъ учиться нашему языку и были убѣждены, что довольно кое-какъ командовать и распекать. Начальникъ, коверкавшій русскую рѣчь, не стѣснялся этимъ, хотя подь-часъ трудно было удержаться отъ смѣха. Анекдотовъ ходило множество, особенно у старыхъ офицеровъ, которые знавали начальниковъ, буквально не говорившихъ по-русски.

Разсказывали, напримѣръ, что въ пріемной одного коменданта сошлись два офицера и, соскучась ожидать выхода генерала, разговорились между собою.

- Ви каво? спросилъ одинъ.
- Штабсъ-ротмистръ фонъ-Пфефферкухенъ.
- Ошень пріятно.
- А ви кому?
- Поручикъ фонъ-деръ-Мюленъ-брюкке.
- Такъ ви нѣмецъ?
- Да.

— Скажите пошалуста! а я думалъ, што ви Русскій: ви такъ карашо каварить по-русски.

И это ничуть не выдумка. Въ позднѣйшее время, два нѣмца сидѣли въ палаткѣ у товарища и разговаривали, и какъ послѣдній не принадлежалъ къ ихъ расѣ, то они бесѣдовали по-русски. Зашла рѣчь о чьемъ-то семействѣ.

— У него одинъ только сестра неженатой, говорилъ сѣдой капитанъ, пыхтя изъ пѣнковой трубки.

- Какъ неженатой? Ха, ха, ха, Карлъ Карловичъ!
- Чего ви смѣется, Адамъ Ифанишъ?

— Какъ же не смѣются? столько лѣтъ служите и неумѣете сказать! Ха, ха!

— Чѣмъ же не умѣю?

— По-русски надо сказать: сестра каластой!

Но вотъ фактъ гораздо интереснѣе. Былъ одинъ баталіонный командиръ изъ нѣмцевъ, который ни слова не зналъ по-русски. Онъ обходился съ офицерами высококомѣрно, съ нижними чинами строго, и ловко велъ свои дѣла. Адъютантъ у него былъ человекъ образованный и хотъ говорилъ по-нѣмецки, но какъ онъ не имѣлъ счастья принадлежать къ привилегированному племени, то скоро узналъ, что на его мѣсто ожидался другой кровный землякъ. Баталіонный командиръ командовалъ по бумажкѣ, на которой всѣ необходимыя термины послѣдовательно адъютантъ писалъ нѣмецкими буквами, и все шло какъ по маслу. Случился смотръ бригаднаго. Маіоръ передъ этимъ какъ-то заносчиво обошелся съ адъютантомъ, и адъютантъ напоследѣяхъ вздумалъ сыграть съ нимъ штуку. Передъ смотромъ, маіоръ, по обычаю, засунулъ бумажку за мундиръ и выѣхалъ. Вотъ пришлось ему командовать. Онъ поднялъ шпагу и вскрикнулъ громкимъ голосомъ:

Карашо птишки пѣли,

Карашо воспѣвали!

Ай лули! ай лули!

По фронту раздалось кое-гдѣ фырканье, но не послѣдовало исполненія команды. Маіоръ повторилъ еще громче, но былъ во время остановленъ разсмѣявшимся генераломъ.

И это ровно ничего не значило. Да и могло ли это значить чтонибудь тогда, когда теперь, въ 1862 году, иные академики Петербургской Академіи Наукъ не умѣютъ писать по-русски и продолжаютъ печатать на нѣмецкомъ языкѣ свои ученые наблюденія для Россіи!

Нѣмецъ-офицеръ выучивался кое-какъ командовать, объяснялся понемногу съ товарищами: чего же ему больше было надо? Онъ зналъ, что начальство, наполовину состоявшее изъ нѣмцевъ, дастъ ему ходъ, выдвинетъ его. Нѣмецъ жилъ акуратно, бережливо, службу исполнялъ исправно, не отступая отъ буквы закона, и въ этомъ отношеніи, разумѣется, превосходилъ Русскихъ, изъ которыхъ лишь меньшинство несло какъ слѣдуетъ службу, а остальные не заботились объ этомъ, по разнымъ причинамъ: кто располагалъ дослужиться до ротмистра и выйти въ

отставку маіоромъ, кто надѣялся на авоську, а иной рассчитывалъ, что лучше служить спустя рукава, потому-де, что кто больше везетъ, того и погоняютъ. И я очень хорошо помню примѣненіе къ дѣйствительности послѣдняго правила. Просится, напримѣръ, въ отпускъ плохой служивый офицеръ: «ступайте, батюшка!» а попросись исправный офицеръ: «нельзя, будетъ скоро смотръ: кого же нарядить въ разводъ, кто пойдетъ на ординарцы?» У Нѣмцевъ ничего этого не было. Нѣмецъ съ утра присутствовалъ въ своемъ взводѣ или въ эскадронѣ, не выходилъ иначе, какъ застегнутымъ на всѣ крючки и пуговицы, одѣвался прилично, рассчитывалъ каждую копѣйку, никогда не горячился, и если, по его мнѣнію, требовалось ударить собственно-ручно солдата, онъ прежде снималъ перчатку и тогда уже исполнялъ патріархальное обыкновение. Весьма немногіе изъ нѣмцевъ были истыми поклонниками Бахуса, но и тутъ не дѣлали скандаловъ. Въ самыхъ разгульныхъ полкахъ, во времена отчаяннаго гусарства, нѣмцы держали себя въ сторонѣ и не дѣйствовали на авось даже въ надеждѣ на покровительство. Одинъ, два нѣмца въ полку немного значили; но если командиръ принадлежалъ къ нѣмецкой расѣ, тогда возлѣ него группировались земляки и нѣмецкая партія овладѣвала всѣмъ, вытѣсняя русскій элементъ отовсюду, гдѣ только была хоть какая нибудь пожива. Гордясь происхожденіемъ отъ рыцарей, нѣмцы любили покричать о честности своей расы. И дѣйствительно, они вели себя хорошо, не входили въ долги и если брали займы, то аккуратно отдавали долгъ, держали данное слово; но если сидѣли на мѣстахъ, гдѣ можно было попользоваться на счетъ ближняго, тамъ они всегда бывало перещеголяютъ Русскаго. Нѣмцы вообще слыли хорошими товарищами, но рѣдко заслуживали всеобщее расположеніе: ихъ формализмъ и педантизмъ не могли сдружиться съ размашистою русскою натурою. Во многихъ полкахъ они держали себя едва не отдѣльно отъ Русскихъ, особенно тамъ, гдѣ служила богатая молодежь, предававшаяся кутежамъ и различнымъ скандаламъ. Нѣмецъ-юнкеръ квартировалъ непременно у своего земляка офицера и, ревностно занимаясь службой, рѣдко посѣщалъ своихъ товарищей.

Въ началѣ сентября, часу въ двѣнадцатомъ утра, красивый городъ Дымогаръ пришелъ въ большое волненіе, въ какое приходилъ лишь два раза въ годъ: во время пріѣзда губернатора

или епархіального архіерея. Всѣ жители были на ногахъ; иные въ разнородныхъ экипажахъ, иные пѣшкомъ спѣшили за московскую заставу полюбоваться на давно невиданное зрѣлище.

Спускаясь съ крутой горы, въ Дымогарь вступалъ —скій уланскій полкъ, прикрытый, словно облакомъ, желтыми флюгерами. Впереди, на красивыхъ сѣрыхъ лошадяхъ, шли трубачи и довольно недурно играли маршъ изъ любимой въ то время оперы «Нормы», звуки котораго далеко разносились по долинѣ и какимъ-то незнакомымъ трепетомъ наполняли сердца уѣздныхъ барышень. Полкъ вступалъ въ порядкѣ поэскадронно. Офицеры не смѣли гарцовать и носиться передъ фронтомъ, но все-таки, при видѣ шляпокъ и зонтиковъ, горячили и шпорили лошадей, которыя то шли траверсомъ, то взвивались надыбы, что давало возможность ѣздокамъ порисоваться и показать свою ловкость. Даже усталые солдаты подобрались молодцами и, весело посматривая на горожанъ, старались каждый «чувствовать стременемъ своего товарища».

Въ улицу полкъ вошелъ справа по шести, и всѣ эскадроны выстроились на городской площади. Послѣдовала обычная команда: «стой! слѣзай!» Штандарты съ перемоніей были отнесены въ квартиру полковаго командира, а эскадроны разошлись по квартирамъ, два съ тѣмъ, чтобъ размѣститься тутъ же въ пригородкахъ, а остальные отдохнуть и на другой день слѣдовать по разнымъ селеніямъ.

Черезъ часъ Дымогарь закипѣлъ новой, шумной жизнью, какой не испытывалъ уже давно, потому что съ незапамятныхъ временъ въ немъ не было другаго войска, кромѣ инвалидной команды.

Въ тотъ же вечеръ выпито было все наличное шампанское, и группы офицеровъ весело, съ неумолкаемымъ говоромъ, расхаживали по лучшей улицѣ.

На другой день эскадроны разошлись по уѣзду и принесли съ собой новые нравы и обычаи въ среду патриархальныхъ обывателей. По проселочнымъ дорогамъ, по которымъ, въ извѣстные дни, тащились извѣстныя помѣщицьи колымаги, начали рыскать и хорошенькія коляски, и щегольскія нейтычанки, и затѣйливые тарантасы, и наконецъ простыя телѣги, запряженные тройками въ русскомъ наборѣ, т. е. съ разными бляхами и бубенчиками. Офицеры дѣлали визиты, и скоро по уѣзду завязали знакомство новые постояльцы. Офицерамъ предстояло обширное

поле для волокитства, потому что на долю ихъ выпала мѣстность, въ которой тогдашнее молодое поколѣніе не видало кавалеристовъ, за исключеніемъ какого нибудь проѣзжаго ремонтера, и невѣсты считались десятками. *

Собственно въ Дымогарѣ дворянское сословіе было многочисленно, во первыхъ потому, что многіе чиновники, понажившись, основались домами, а во вторыхъ оттого, что городъ славился своими фруктами и нѣкоторые помѣщики пріобрѣли и развели большіе сады, приносящіе хорошій доходъ. Кромѣ того, должностные, какъ-то: судья, исправникъ, городничій, почтмейстеръ и др., были люди женатые, иные изъ нихъ съ достаткомъ, и, такимъ образомъ, дымогарское общество могло поспорить съ обществомъ большаго города, въ особенности количествомъ барышень, начиная отъ подростковъ до перезрѣлыхъ дѣвъ, которыя все еще требовали вниманія непрекраснаго пола. Дымогарское общество не раздѣлялось на высшій и средній круги, но во время прибытія улановъ расходилось на два лагеря, изъ которыхъ въ одномъ господствовала городничиха, а въ другомъ исправница, такъ что сторонники обѣихъ партій, хотя и были знакомы между собою, однако, посѣщали другъ друга только для визитовъ и въ экстренныхъ случаяхъ, пользуясь, разумѣется, всѣми возможными поводами посмѣяться насчетъ противниковъ и распуская подъ рукою взаимныя сплетни. Последнее обстоятельство служило иногда причиной серьезныхъ столкновеній, и тогда уже велась война по всѣмъ правиламъ уѣздной стратегіи. Открытая вражда, впрочемъ, велась недолго: при посредствѣ нѣкоторыхъ добродушныхъ личностей слѣдовало наружное примиреніе; но партіи, потрясенныя какой нибудь обидой, переходили на почву затаеннаго неудовольствія и вредили одна другой мелкими, но, тѣмъ не менѣе, ощутительными дразгами. Городничій съ исправникомъ не имѣли ничего общаго по службѣ, а потому и непріятности, возникавшія между ихъ семействами, не влекли за собой послѣдствій, которыя вредили бы ихъ постояннымъ или случайнымъ доходамъ. По настоящему, первенство должно было принадлежать судѣ, какъ по занимаемой имъ должности, такъ и потому, что онъ считался столбовымъ дворяниномъ; но судья неумѣренно употреблялъ спиртные напитки и рѣшительно не заботился о поддержаніи чести своего дома, а супруга его, расплывшаяся барыня и скряга въ высшей степени, лѣтомъ берегла садъ и сама от-

гоняла воробьевъ, а зимою чуть не по цѣлымъ днямъ нѣжилась въ постели. И вотъ между исправницей и городничихой возникла непримиримая вражда о первенствѣ въ городѣ, такъ какъ прочіе члены уѣздной іерархіи стояли ниже и не смѣли претендовать на всеобщее уваженіе. Во время перемирія, исправникъ и городничій еще бывали другъ у друга, потому что оба любили поиграть въ картишки, особенно въ случаѣ пріѣзда какого нибудь губернскаго чиновника; но жены ихъ тщательно избѣгали всякаго столкновенія, кромѣ обѣдни и прогулки, только въ годовые праздники, если, разумеется, не находились въ открытой войнѣ между собою. Было, впрочемъ, нѣсколько нейтральныхъ семействъ изъ неслужащихъ, у которыхъ собиралось общество, и если къ кому нибудь изъ нихъ появлялись городничиха съ исправницей, находясь въ непріязненныхъ отношеніяхъ, то иногда дѣло обходилось безъ всякихъ происшествій, а порою случались и мелкіе скандалы, оканчивавшіеся, однакожь, словесной перестрѣлкой разнаго свойства, смотря по важности дѣйствительнаго или мнимаго оскорбленія.

Исправникъ, штабсъ-капитанъ Барнаульскій, служившій второе трехлѣтіе по выборамъ дворянства, былъ мелкопомѣстный владѣлецъ, плохо понимавшій хозяйство, но въ молодости еще проявившій необыкновенныя полицейскія способности. Въ школѣ онъ былъ тайный цензоръ, въ полку состоялъ при начальствѣ въ качествѣ развѣдывателя разныхъ происшествій и всегда мечталъ объ одномъ — занять мѣсто полиціимейстера или городничаго. Судьба не исполнила его желанія. Какъ ни вертѣлся Барнаульскій передъ властями, а ему не давали даже роты, и вотъ онъ, жениясь на отставной фавориткѣ одного изъ сильныхъ міра, за которою получилъ порядочный капиталъ, задумалъ выйти въ отставку и попытаться въ статской службѣ вознаграждать потерянное въ военной. Послѣ недолгаго пребыванія въ деревнѣ, онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе дворянъ именно полицейскими способностями въ своемъ имѣніи, такъ что въ первые же выборы избранъ былъ въ исправники и какъ нельзя лучше оправдалъ оказанное ему довѣріе. Помѣщичьи интересы у него были прежде всего и даже если, въ ссорѣ какого нибудь разночинца съ дворяниномъ, онъ имѣлъ въ виду получить отъ перваго благодарность болѣе чувствительную, то, скрѣпя сердце, становился на сторону послѣдняго, и такимъ образомъ ловко обдѣлывалъ свои дѣлишки.

Супруга его, дородная барыня, нѣкогда красавица, положила себѣ задачей жизни играть первую роль въ обществѣ, на томъ основаніи, что она жила прежде въ Петербургѣ и была знакома съ людьми хорошаго тона. Увидшей красотой она уже не могла прельщать никого, но за то принесла мужу въ приданое, кромѣ денегъ, двухъ дочерей, хорошенькихъ дѣвушекъ, которыя въ описываемую эпоху считались невѣстами, и посредствомъ ихъ добивалась первенства. Дѣйствительно, дочери г-жи Барнаульской, хотя и не получили почти никакого образованія, однако, умѣли наряжаться къ лицу, хорошо танцовали и кружили головы какъ мѣстнымъ, такъ и пріѣзжимъ джентльменамъ, но не выходили замужъ, потому что маменька ожидала для каждой изъ нихъ не иначе какъ блистательной партіи. Г-жа Барнаульская добивалась уже первенства въ Дымогарѣ — по крайней мѣрѣ, ея гостиная была на вакансіи первой гостиной въ городѣ, со смертью одной богатой старушки — какъ неожиданно городничій былъ переведенъ въ другую губернію, а на мѣсто его пріѣхалъ отставной маіоръ Фонаревскій. Это былъ пожилой человекъ, невзрачный, одноглазый, плѣшивый, крайне добродушный, и когда онъ сдѣлалъ всѣмъ визиты, исправница первая готова была взять его подъ свое покровительство и просила познакомить скорѣе супругу. Какъ истая уѣздная аристократка, она знала не только, что Фонаревскій женатъ, но что онъ не взялъ за женой ни копѣйки приданого. Городничій поблагодарилъ обязательную барыню и обѣщалъ къ ней первой непременно привезти жену съ визитомъ. Обѣщаніе это еще болѣе расположило Барнаульскую къ городничему; она подъ рукою начала распускать слухи, что городничиха отличная дама и хотя изъ бѣднаго семейства, однако получила воспитаніе въ домѣ какого-то генерала, и приготавливала себѣ ласковый пріемъ въ лучшемъ дымогарскомъ обществѣ. Городничій прибылъ прямо изъ губернскаго города, гдѣ былъ на испытаніи при губернаторской канцеляріи и потому во время этой полугодовой службы порядкомъ поиздержался, такъ что не имѣлъ возможности завести ни экипажа, ни лошадей, ни даже приличной обстановки. Городской голова Люлюкинъ, правда, далъ ему свои старосвѣтскія дрожки навремя, но городничиха на столько была проникнута чувствомъ своего достоинства, что не рѣшилась дѣлать визитовъ въ такомъ неприличномъ экипажѣ, а потому поневолѣ откладывала знакомство съ мѣстными аристократами. Барнаульская

узнала и объ этомъ и рѣшилась предложить свои услуги. Но судьба не дозволила совершиться этому событію, которое, кто знаетъ, къ какимъ бы привело результатамъ, потому что именно въ это время возвратился дымогарскій откупщикъ, отправлявшійся съ семействомъ на богомолье. Господинъ этотъ, съ цѣловальничьяго званія жившій въ хорошихъ отношеніяхъ съ полиціей, черезъ часъ по приѣздѣ побывалъ у Фонаревскаго, имѣлъ съ нимъ интимный разговоръ и просилъ городничиху располагать его новой коляской во всякое время.

Такимъ образомъ, мадамъ Фонаревская, безъ ущерба самолюбія, могла исполнить долгъ вѣжливости и въ первый же праздникъ отправилась съ визитами, дѣйствительно начавъ съ дома Барнаульскихъ. Это была молоденькая и очень хорошенькая женщина, воспитанница какого-то незатѣйливаго пансіона, съ добрымъ сердцемъ, но въ высшей степени кокетливая. За мужъ вышла она за старика, разумѣется, не по собственному выбору, а по приказу, въ угодность маменькѣ, которая доказывала ей, что гораздо же лучше быть замужемъ за маіоромъ-пенсіонеромъ и именоваться маіоршей и кавалершей, нежели обременять бѣдное большое семейство и вѣкъ оставаться въ дѣвухахъ. Лизавета Антоновна—такъ звали городничиху—сдѣлавшись маіоршей и кавалершей, казалось, мало чувствовала свое печальное положеніе, то есть жизнь въ семнадцать лѣтъ съ господиномъ въ пятьдесятъ, и на первыхъ порахъ требовала отъ мужа только романовъ, которые прежде ей запрещались, да обновокъ. Влюбленный маіоръ и кавалеръ удовлетворялъ по возможности оба желанія, такъ что молодая супруга не чувствовала къ нему отвращенія и не весьма скорбѣла о своей долѣ. Когда же Фонаревскій, начавъ искать мѣста городничаго, былъ причисленъ къ губернаторской канцеляріи и переѣхалъ въ губернский городъ, Лизавета Антоновна развлеклась окончательно и достигла сильнаго развитія кокетства, бывшаго всегда основной чертой ея характера. Хотя у Фонаревскаго сколочена была копѣйка, однако, проживаясь безъ мѣста, онъ не могъ много удѣлять женѣ на ея наряды, и тутъ-то молодая женщина, обладавшая вкусомъ и тактомъ, съ малыми средствами умѣла одѣваться довольно щеголевато и изъ поношенныхъ нарядовъ дѣлать свѣжіе, словно только что купленные. Въ провинціи, какъ и въ столицѣ, человѣчество не оставляетъ въ покоѣ хорошенькую женщину, въ какомъ бы сословіи она ни встрѣтилась, и

потому Лизавета Антоновна вскорѣ по прїѣздѣ стала предметомъ преслѣдованія многихъ джентльменовъ, а благодаря своей красотѣ попала на нѣсколько баловъ, гдѣ могла видѣть во всемъ блескѣ губернское общество. Ее очаровала одна львица, жена вице-губернатора; въ особенности ей понравилось, что эта барыня играла всѣми кавалерами какъ пѣшками, да и большинство дамъ увивалось за нею хотя собственно потому, что мужъ ея, за отсутствіемъ губернатора, исправлялъ должность послѣдняго. Тамъ же Фонаревская дала себѣ слово, какъ только сдѣлается городничихой, непременно прибрать къ рукамъ все общество и, во что бы то ни стало, сдѣлаться первой дамой въ городѣ. Волокитства значительныхъ чиновниковъ быстро развили Лизавету Антоновну, и когда мужъ ея былъ назначенъ градоправителемъ Дымогара, она даже знала приблизительно, сколько они могли получать годового дохода. Первою ея заботой было потребовать у мужа денегъ на наряды, которые въ губернскомъ городѣ составляла прїѣзжая изъ Москвы Француженка, потому что Лизаветѣ Антоновнѣ хотѣлось явиться въ уѣздѣ со всѣмъ шикомъ губернской львицы. Фонаревскій, все еще, по обычаю, считая жену ребенкомъ, располагалъ начисто отказать и началъ уже предисловіе съ этой цѣлью, но Лизавета Антоновна по пальцамъ перечла ему всѣ суммы, вскорѣ долженствовавшія очутиться въ его карманѣ. Разумѣется, послѣ этого не могло быть отказа, и Фонаревская приобрѣла себѣ порядочный запасъ платьевъ, лентъ, шляпокъ, цвѣтовъ, парижскихъ перчатокъ и щегольскихъ ботинокъ. За все это Фонаревскій получилъ отъ жены торжественный поцѣлуй въ самый центръ лысины и, кромѣ того, обѣщаніе не скучать въ уѣздѣ послѣ развлеченій губернскаго города, что старика обрадовало гораздо больше поцѣлуя. Онъ не то, чтобъ былъ ревнивъ, однако, видя жену постоянно окруженную джентльменами, изъ которыхъ большинству не смѣлъ даже показать косаго взгляда, потому что все это было нѣкоторымъ образомъ начальство, онъ не разъ подумывалъ, что не мѣшало бы поскорѣе забраться въ какую нибудь глушь, гдѣ народъ противъ десятой заповѣди грѣшилъ гораздо меньше, нежели противу прочихъ. Конечно, въ этомъ отношеніи Фонаревскому надо было запастись порядочною долею стоицизма, принимая во вниманіе, во первыхъ, ариѳметическое отношеніе 50 : 17, во вторыхъ, что не только въ уѣздахъ, но и въ деревняхъ такіе же человѣки, какъ и въ губернскомъ городѣ; но все это какъ-то не уклады-

вается въ лысой головѣ, которая, овладѣвъ насильно молоденькой женщиной, думаетъ въ ослѣпленіи: «она должна любить меня и быть мнѣ вѣрною». Соображаясь со скандальной хроникой губернскаго города, вѣрность Лизаветы Антоновны не подвергалась прямому осужденію, и только записные блюстители и блюстительницы чужой нравственности оставляли ее одинъ разъ въ сильномъ, а два раза въ обыкновенномъ подозрѣніи, но скандальная хроника, какъ извѣстно, не любитъ никому потворствовать, и мы не рѣшаемся бросить камень въ хорошенькую барыню. По всѣмъ даннымъ изъ ея губернской жизни можно только судить, что она преуспѣвала въ кокетствѣ и любила видѣть вокругъ себя поклонниковъ, но украсилась ли отъ этого извѣстнымъ образомъ лысая голова Фонаревскаго, было покрыто мракомъ неизвѣстности. По крайней мѣрѣ, между супругами не произошло ни одной ссоры, и они дружелюбно подѣхали къ своему новому владѣнію Дымогару, въ которомъ, по достовернымъ свѣдѣніямъ, городничему могло быть болѣе нежели хорошо, если послѣдній не имѣлъ привычки сидѣть спустя рукава, предоставляя все естественному теченію.

Когда исправница узнала, что къ городничихѣ уже поѣхалъ откупщицкій экипажъ и что городничиха надѣла шелковое платье, ѣхать къ ней съ визитомъ, она, окруживъ себя дочерьми, усѣлась въ гостиной съ твердымъ намѣреніемъ не только обласкать молодую женщину, но и принять ее подъ свое покровительство, не безъ затаенной мысли увеличить кругъ своихъ сторонницъ. Для показанія же пріѣзжей, что въ аристократическомъ кругу Дымогара соблюдается весь должный этикетъ, она вслѣла слугѣ запереть наружную дверь, одѣться въ праздничное платье и присутствовать въ передней. Лизавета Антоновна, съ своей стороны, не хотѣла явиться какъ нибудь, и хоть у нея не было еще слуги, однако у Фонаревскаго имѣлась въ запасѣ военная ливрея, и потому, нарядивъ въ этотъ костюмъ расторопнаго полицейскаго десятскаго, она взяла его съ собою на козлы и, остановясь передъ домомъ исправника, послала его узнать, принимаетъ ли барыня. Десятскій, не видавшій никогда запертыхъ подъѣздовъ, прямо бросился отворять дверь, но, встрѣчая препятствіе, началъ дѣйствовать дюжимъ плечомъ и непремѣнно высадилъ бы дверь, но въ то же время лакей отперъ задвижку и показался на порогѣ.

— Ихъ высокоблагородіе пріѣхали. Дома ли барыня? сказалъ десятскій.

— Дома.

— Спроси, принимаютъ ли? отозвалась изъ коляски Фонаревская.

— Давно уже васъ ожидаютъ, проговорилъ лакей, знавшій еще съ утра о визитѣ городничихи.

Разодѣтая по послѣдней тогдашней модѣ и очень къ лицу, обутая въ хорошенькія ботинки, въ палевыхъ перчаткахъ, Лизавета Антоновна развязно вошла въ гостиную и—о ужасъ!—обратилась къ исправницѣ по-французски. Барнаульская покрасиѣла, пробормотала обычное привѣтствіе и мигнула старшей дочери, которая въ дѣтствѣ училась немного, поддержать честь своего дома. Въ теченіе получаса, проведеннаго Лизаветой Антоновной въ гостиной исправницы, послѣдняя съ прискорбіемъ убѣдилась, что Фонаревская не только не общала признать ея превосходства, но была способна къ преступному намѣренію первенствовать въ обществѣ, чему служили задатками и ея модный туалетъ, и французскій языкъ, и та нескрываемая иронія, съ какою молодая женщина отзывалась объ уѣздной жизни. Однимъ словомъ, съ перваго же посѣщенія дамы эти почувствовали другъ къ другу антипатію, выразившуюся очень ясно въ послѣдствіи раздѣленіемъ общества на два лагеря. Какъ только Фонаревская успѣла достаточно меблировать квартиру и послѣ большой ярмарки, подскочившей кстати, могла поставить домъ на порядочную ногу — а въ это время изучены были ею подробности домашняго быта дымогарскихъ обывателей—она устроила себѣ свой кружокъ и любезностію и гостепріимствомъ очень скоро упочила себѣ популярность. Всѣ, кто сколько нибудь считался независимымъ отъ исправника, чьи отношенія не слишкомъ соприкасались съ земскимъ судомъ, всѣ прильнули къ дому городничаго, гдѣ и угощеніе было лучше, и радушія больше, и гдѣ наконецъ хозяйка старалась каждому оказать одинаковую любезность, гдѣ наконецъ у Фонаревскаго съ утра раскрывался зеленый столъ и за карты описывалось не два, какъ у исправника, а просто полтора цѣлковыхъ. Семейства почтмейстера, аптекаря, смотрителя училища, откупщика, членовъ уѣзднаго суда, протоіерея перешли на сторону городничаго, и нѣкоторые холостые чиновники не замедлили образовать кругъ поклонниковъ хорошенькой Лизаветы Антоновны. Даже стряп-

чій, всеобщій Ловласть, который, впрочемъ, открыто ухаживалъ за младшей дочерью исправницы, и тотъ хитрилъ такъ, что находилъ возможность мотивировать свои посѣщенія къ Фонаревскому. Гостиная исправницы почти опустѣла, и въ ней появлялись только подчиненные да незначительные обожатели двухъ хорошенькихъ барышень. Даже пріѣзжіе губернскіе чиновники, любившіе прежде останавливаться у исправника, и тѣ, злодѣи, съ переселеніемъ въ Дымогарь Лизаветы Антоновны, какъ хорошіе знакомые послѣдней, постоянно бывали у Фонаревскихъ.

Изъ этого краткаго очерка отношеній Барнаульской и Лизаветы Антоновны читатель можетъ судить, какъ обѣ барыни любили другъ друга; а, однако, между ними не было постоянного разрыва и онѣ повременамъ мѣнялись даже визитами, преимущественно на Святой, какъ бы слѣдуя христіанскому влеченію забывать къ этому дню все обиды и неудовольствія. Исправникъ съ городничимъ жили, конечно, не весьма дружески, но и не ссорились, а городничій даже любилъ играть въ карты съ Барнаульскимъ, потому что послѣдній, какъ говорится, «плель лапти» и всегда приплачивался своимъ партнерамъ. Исправникъ же принадлежалъ къ числу аматоровъ, которые хоть и знаютъ, что выиграть никогда не въ состояніи, однако любить процессъ игры и готовы рѣзаться по маленькой до бѣла свѣта или до «куропѣнія», по выраженію остряковъ дымогарскихъ. Оба страстные игрока, они, впрочемъ, не сходились безъ призыва, а въ случаѣ надобности каждый разъ приглашали другъ друга. Въ это время Барнаульская старалась быть какъ можно любезнѣе съ городничимъ, а о Лизаветѣ Антоновнѣ и говорить нечего: она до того ухаживала за исправникомъ, что послѣдній, неизвѣстно, впрочемъ, съ какими замыслами, появлялся къ Фонаревскимъ не иначе, какъ выбритый и въ новенькомъ сюртукѣ, что было бы наконецъ замѣчено его дражайшей половиной, если бы приходъ полка не далъ другаго оборота общественной жизни Дымогара.

Изъ числа городскихъ дѣвицъ славились красотой обѣ падчерицы исправника и молоденькая дочь почтмейстера, Феничка, недавно вышедшая изъ пансіона и возненавидѣнная дочерью г-жи Барнаульской, какъ опасная соперница, тѣмъ болѣе, что она бѣгло болтала по-французски. Фонаревская, напротивъ, обласкала дѣвушку, и хоть послѣдняя была и свѣжѣе и лучше ея,

однако Лизавета Антоновна взяла Феничку подъ свое покровительство, рассчитывая, что господство надъ сердцами тѣхъ, кого она считала для себя интереснѣе, не могло быть у нея исторгнуто пансіонеркой, хотя эта пансіонерка быстро формировалась и уже свела съ ума нѣсколькихъ канцеляристовъ. Прочія дѣвицы были такъ себѣ, инныя даже съ порядочнымъ приданымъ, но какъ жениховъ съ вѣсомъ находилось въ городѣ всего два—стряпчій и начальникъ инвалидной команды, которые оба на бѣду оказались разборчивы, то и серьезныхъ исканій трудно было дожидаться некрасивымъ барышнямъ, въ присутствіи съ одной стороны падчерицъ исправника, а съ другой кокетства городничихи, подкрѣпленнаго красотой молоденькой Фенички.

Такъ какъ дочь почтмейстера будетъ играть не послѣднюю роль въ нашемъ разсказѣ, то читателю не мѣшаетъ познакомиться немного ближе съ этой особой и ея домашней обстановкой. Андрей Юрьичъ Поцѣлуйкинъ происходилъ изъ почталіоновъ и, жениась на дочери частного пристава, за которую взялъ рублей пятьсотъ приданого, умѣлъ бережливостію и разными спекуляціями составить себѣ состоянныце. Все это вещи обыкновенныя; но была у него одна черта, достойная замѣчанія: это—глубокія познанія въ ябедахъ—обстоятельство тѣмъ болѣе поразительное, что, не служа ни въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, онъ умѣлъ настроичить какое угодно прошеніе и вести дѣло съ посѣдѣвшими и самыми злокозненными подъячими. Такая была уже у него натура, и секретарь уѣзднаго суда, дока по своей части, не разъ ему говаривалъ:

— Эхъ, Андрей Юрьичъ, еслибъ вы начали службу съ канцеляриста, хоть бы у насъ, вы заткнули бы за поясъ любаго законника.

Поцѣлуйкинъ улыбался и изподтишка пользовался своими познаніями въ судейской тарабарщинѣ, такъ какъ въ то время не изданъ еще былъ «Сводъ Законовъ» и всѣ дѣльцы наживали порядочную кофѣйку. Жена его, въ свою очередь, помогала мужу, старалась знакомиться съ помѣщиками, имѣвшими корреспонденцію, и какъ почтмейстеры того времени могли распоряжаться почтовыми лошадьми по своему благоусмотрѣнію почти произвольно, то они разѣзжали и по деревнямъ, привозя въ городъ разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Семейство ихъ состояло изъ двухъ сыновей и дочери. На воспитаніе дѣтей Поцѣлуйкинъ смотрѣлъ, какъ вообще смотрѣли люди его

среды, считая его роскошью, и, поучивъ сыновей въ уѣздномъ училищѣ, одного отдалъ въ уѣздный судъ, а другаго по случаю опредѣлилъ въ какой-то пѣхотный полкъ юнкеромъ, представивъ молодаго человѣка собственной находчивости. Дочери тоже предстояла незавидная участь — остаться при одной грамотности; но Феничкѣ выпало на долю особенное обстоятельство. Дядя ея по матери женился на вдовѣ, содержательницѣ женскаго пансіона, и Феня, по родству, получила кое-какое образованіе, а главное умѣла болтать по-французски и танцовать «по правиламъ», что составляло особую важность, такъ какъ большинство уѣздныхъ барышень танцовали самоучкой. Феня, хорошенькая, стройная брюнетка, училась очень плохо, несмотря на похвальные листы, но усердно перенимала у богатыхъ подругъ манеры, прихоти и нѣкоторые капризы. У содержательницы пансіона бывали вечера съ кавалерами, и когда Феня оканчивала курсъ, то уже отлично умѣла вести себя съ обожателями, въ которыхъ у нея не было недостатка, такъ что когда, по выходѣ изъ пансіона, пріѣхала въ Дымогарь, то уже пережила—разумѣется, головою—два, три собственныхъ романа. Это, впрочемъ, было не болѣе, какъ пансіонерское обожаніе учителей и любовь къ какому нибудь юношѣ сквозь окно. Дѣло въ томъ, что Феня вернулась домой не тѣмъ наивнымъ ребенкомъ, какимъ добродушное человѣчество привыкло видѣть каждую только что вышедшую пансіонерку. Мать очень обрадовалась пріѣзду Фенички и гордилась мыслью, что дочь ея по образованію будетъ первая дѣвица въ городѣ; но отецъ поморщился, узнавъ, что для туалета ея необходимы деньги. Почтмейстеръ вообще не жаловалъ никакихъ пустыхъ, по его мнѣнію, издержекъ. Когда же приступили къ нему съ неотступными просьбами, и городничиха нарочно пріѣхала сама уговорить Поцѣлуйкина не поскупиться на необходимый костюмъ для молоденькой и такой образованной дочери, онъ расчувствовался, далъ денегъ и на другой же день принялся ревизовать почтовые станціи, которыхъ у него въ уѣздѣ было семь и всѣ на порядочныхъ трактахъ. Феничка умѣла кое-какъ бречать на фортепьяно, и ей хотѣлось блеснуть своимъ музыкальнымъ талантомъ предъ дымогарцами; но инструментъ въ городѣ былъ всего одинъ у откупщика, да и тотъ стоялъ постоянно запертъ, потому что въ семействѣ виннаго аристократа никто не умѣлъ взять самаго простаго аккорда. Дѣвочка рѣшительно скучала въ

Дымогарѣ, несмотря на удовольствіе обитать подъ родительскимъ кровомъ, и если бы не Лизавета Антоновна, у которой она, во первыхъ, бывала ежедневно, а во вторыхъ брала книги и писанные стишки, она, по своему характеру, скоро пришла бы въ отчаяніе. Молодые люди хоть и были въ городѣ, но все это народъ необразованный, а оба завидные жениха не могли похвалиться молодостію. Стряпчій, съ выгнутыми ногами, носилъ неуклюжій парикъ, сморкался съ оглушительнымъ трескомъ, за обѣдомъ ковырялъ въ зубахъ вилкой и обладалъ фізіономіей, которая, не знаю уже почему, на русскомъ языкѣ получила названіе рожки. Начальникъ же инвалидной команды, штабсъ-капитанъ Подбоченовъ, хоть происходилъ изъ дворянъ и умѣлъ играть въ вистъ, бостонъ и банчикъ, однако усвоилъ себѣ всѣ солдатскія ухватки, носилъ огромные сапожищи и за глаза пользовался титуломъ «гарнизы». Феничкѣ не съ кѣтъ было затѣять романа, а она только и бредила героями и героинями тѣхъ иностранныхъ книжонокъ, которыя, въ искаженномъ русскомъ переводѣ, услаждали досуги нашего прекраснаго пола.

Въ такомъ положеніи находилось дымогарское общество въ моментъ прибытія кавалерійскаго полка, который неожиданно направленъ былъ на эту мѣстность, такъ что жители узнали объ этомъ незадолго до его появленія.

Офицеры — скаго уланскаго полка отличались немного отъ прочихъ собратьевъ, и полкъ изстари считался скромнымъ, то есть не буйствовалъ на стоянкахъ огуломъ, хотя, конечно, и въ немъ проявлялись личности, платившія дань тогдашнему духу времени. Кавалеристъ, да еще легкій, который не шалилъ, не придерживался бутылки, являлся бы, по прежнимъ понятіямъ, аномаліей; однако, выбирались такіе индивидуумы и даже цѣлыя эскадроны, въ которыхъ разгулъ и кутежъ принимали мягкія формы, подготавливая переходную эпоху и какъ бы поспѣшая хоть съ этой стороны навстрѣчу цивилизациі. Въ полкахъ вѣдь существовали свои преданія, и та или другая репутація составлялась вслѣдствіе постоянного направленія, овладѣвавшаго большинствомъ. Даже новички, еще до поступленія, проникались извѣстными убѣжденіями полка и продолжали на службѣ развивать принятые ими принципы. Еще въ грубѣйшую эпоху пьянства и разгула, до войны двѣнадцатаго года, — скій уланскій полкъ отличался рыцарствомъ относительно женщинъ, за что

старые гусары называли иногда офицеровъ его «самопрялками», и за это названіе не разъ проливалась кровь на поединкахъ; но впоследствии, когда уже и между истыми гусарами завелись волокиты и вздыхатели, въ этомъ полку усилилось свое направленіе.

Въ описываемое время, — скій полкъ не измѣнилъ своему призванію и не имѣлъ соперника въ дивизіи какъ въ щегольствѣ, такъ и въ ухаживаньи за прекраснымъ поломъ, что, однакожь, не мѣшало ему стоять и въ первыхъ нумерахъ по службѣ. Всѣ вообще волокиты его не были заражены ересью моншерства, а гоняясь за хорошенькими иногда по сотнямъ верстъ, въ то же время не пренебрегали исполненіемъ своей обязанности. Въ этомъ заключался шикъ своего рода: въ свободное время уѣзжай хоть въ Константинополь, какъ говорилось, а караульная ли очередь, смотрь ли какой, ученье, всѣ, словно по шучьему велѣнью, находились на своихъ мѣстахъ, слетаясь изъ противоположныхъ, часто далекихъ концовъ сосѣднихъ губерній. Полковой командирь, еще изъ рубакъ двѣнадцатаго года, любилъ и кутнуть, и загнуть уголь, какъ человѣкъ, въ молодости проводившій досуги за бутылками и картами, но во время стоянки въ Парижѣ такъ поддался обаянію кокетливыхъ Француженокъ, что изъ окуреннаго порохомъ солдата сдѣлался поклонникомъ красоты и любезничалъ направоулю. Подъ старость обыкновенно подобное направленіе усиливается, а потому не удивительно, что старый полковникъ, оправдывая на себѣ пословицу: «сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро», въ присутствіи женщинъ таялъ, охорашивался и постоянно чернилъ волосы, усы и бакенбарды. Человѣкъ онъ былъ хорошій и принадлежалъ къ числу тѣхъ полковыхъ командировъ-хлѣбосоловъ, у которыхъ каждый офицеръ, пріѣхавшій въ штабъ, приходилъ и обѣдалъ безъ приглашенія. Въ этомъ была своя добрая сторона: полковникъ могъ узнавать своихъ подчиненныхъ, да и офицеры остерегались пускать шалости далѣе извѣстныхъ границъ и наконецъ сближались между собою. Обычай этотъ, въ мое время, постоянно соблюдался въ артиллеріи, и оттого у артиллеристовъ было согласное, дружеское общество, составляя какъ бы семейство и собираясь ежедневно у батарейнаго командира. Полковникъ Бѣлобиковъ не могъ похвалиться образованіемъ, но имѣлъ природный здравый разумокъ и въ высшей степени обладалъ тактомъ въ обращеніи съ подчиненными. Смотри сквозь пальцы на обыкновенныя шалости молодежи,

онъ не пропускалъ ни малѣйшаго проступка противъ службы, но въ то же время, взыскивая со всей строгостію, не позволялъ себѣ ни одного оскорбительнаго выраженія, не корилъ потомъ наказаннаго и горячо вступался за своихъ офицеровъ, какъ бы ни были они виноваты, если только послѣдніе приходили къ нему и откровенно признавались въ своихъ продѣлкахъ. Эта черта характера до того въ немъ преобладала, что, отстаивая офицера, прибѣгавшаго къ его покровительству, онъ готовъ былъ на многія непріятности. Тогда въ арміи часто происходили дуэли и, разумѣется, преслѣдовались закономъ; но если дуэлисты прямо съ барьера обращались къ Бѣлобокову, да еще если дуэль была за дѣвушку, то онъ мчался на почтовыхъ къ начальнику дивизіи, а порой и къ корпусному командиру, чтобъ замять непріятное происшествіе. Обстоятельство это объясняется еще и тѣмъ, что Бѣлобоковъ былъ воспитанникомъ той эпохи, когда въ полкахъ рубились и стрѣлялись не только за двусмысленное слово, но и за косой взглядъ; слѣдовательно, хоть онъ и зналъ законъ, преслѣдовавшій поединки, однако не могъ отрѣшиться отъ убѣжденія, господствовавшаго въ арміи относительно возстановленія чести и благороднаго удовлетворенія. Офицеры любили и уважали Бѣлобокова, который жилъ въ ладу со всѣми, за исключеніемъ небольшихъ размолвокъ съ эскадронными командирами, конечно, за справочныя цѣны.

Штабъ его составляли порядочные офицеры, изъ которыхъ только одинъ казначей воспитывался на мѣдныхъ деньгахъ, а квартирмейстеръ и адъютантъ получили образованіе въ высшихъ заведеніяхъ.

Вообще во всемъ полку мало можно было насчитать и ни къ чему годныхъ офицеровъ, которые терпѣлись на основаніи какого-то особеннаго человѣколюбія и которые, не принося пользы службѣ, не доставляя удовольствія товарищамъ, болтались изъ эскадрона въ эскадронъ, то рапортуясь большими въ страдную пору, то выдѣлывая штуки, выходящія изъ уровня обыкновенныхъ шалостей, и кончали тѣмъ, что выходили въ невольную отставку.

Одинъ только шестой эскадронъ словно не принадлежалъ полку, т. е. въ нравственномъ отношеніи. Начиная съ командира и оканчивая юнкеромъ, здѣсь не было ни одного волокиты, и оттуда постоянно сыпались разныя забавныя насмѣшки на дамскихъ угодниковъ. Всѣ офицеры шестаго эскадрона составляли

какъ бы особый орденъ, въ которомъ случались и шумныя попойки, порой прорывались и оргіи; но какъ эскадронъ всегда выходилъ на всѣхъ смотрѣхъ отлично, то полковникъ и извинялъ разныя слабости исправныхъ подчиненныхъ. Командовалъ имъ съдой ротмистръ Холдуновъ, который, по его словамъ, родился чуть не на конѣ, выросъ на бивуакахъ и осуществлялъ собою геросвѣ Д. В. Давыдова, съ тою только разницею, что не напивался до чортиковъ и не безобразничалъ подобно собутыльникамъ, воспѣтымъ портизаномъ—поэтомъ. Не напивался онъ, впрочемъ, потому, что напитокъ уже не могъ: никакой спиртъ не сшибалъ его съ мѣста, никакой хмѣль не властенъ былъ одолѣть его желѣзныхъ нервовъ. Это тотъ извѣстный Холдуновъ, который повѣрялъ знаменитаго моряка Лукина въ одномъ анекдотѣ. Въ тридцатыхъ годахъ можно было еще слышать множество исторій о флотскомъ офицерѣ Лукинѣ, силачѣ, которому не было равнаго, исторій, принимавшихъ баснословныя размѣры. Но тогда еще встрѣчались очевидцы, рассказывавшіе о немъ дѣйствительно непостижимыя вещи. Изъ числа легкихъ анекдотовъ ходилъ, между прочимъ, слѣдующій. Въ какомъ-то приморскомъ городѣ, не знаю уже гдѣ, въ одномъ изъ трактировъ было написано на стѣнѣ: «такого-го то года, мѣсяца и числа, англійскій капитанъ NN выпилъ стаканъ мадеры и закусилъ *сорока селедками*». Лукинъ это прочелъ и, потребовавъ себѣ обратное угощеніе, написалъ внизу: «А русскій лейтенантъ Лукинъ съѣлъ одну селедку и запилъ *сорока стаканами мадеры*». Когда рассказали эту штуку Холдунову въ обществѣ веселыхъ товарищей, онъ призадумался и сталъ раскидывать умомъ-разумомъ, въ человѣческой ли возможности испытать подобное удовольствіе. Кто-то, какъ нарочно, отозвался:

— А что, Холдуновъ, какъ ты думаешь, найдется ли теперь такой молодчина?

— Найдтись-то отчего не найдтись, да надо знать величину стакановъ: если такіе, какъ у насъ пуншевые, то нельзя, а поменьше, то ничего нѣтъ удивительнаго.

— И ты выпилъ бы на пари?

— На пари—чортъ съ нимъ! неравно проиграешь; а сперва такъ въ свободное время попробовать, пожалуй, только не на свой счетъ.

Товарищи тотчасъ же послали за мадерой, достали обыкновенный стаканъ, и Холдуновъ, несмотря, что уже пропустилъ

довольно разных напитковъ, осушилъ условленное количество стакановъ безъ всякихъ неприятныхъ послѣдствій. Вообще, если Холдуновъ перебиралъ черезъ край, то покачивался только на мѣстѣ и несвободно владелъ языкомъ. Нормальное же его положеніе было, какъ говорится, «на второмъ взводѣ». Въ этомъ положеніи Холдуновъ былъ острякъ, балагуръ, неоцѣненный товарищъ и откровенно признавался, что безусловно трезвымъ случалось ему бывать не болѣе десяти минутъ послѣ пробужденія. Несмотря на это, онъ отлично занимался службою, зналъ толкъ въ лошадахъ, держалъ въ необыкновенномъ порядкѣ эскадронъ, всегда присутствовалъ въ манежѣ и на ученьи и могъ назваться образцовымъ командиромъ. Случалось, что передъ какииъ нибудь смотромъ онъ, ради бодрости духа, переваливалъ за границу «второго взвода»; но и тутъ невозможно было его за мѣтить, потому что держался въ сѣдлѣ какъ пришитый, командовалъ громко и отчетливо и мигомъ исправлялъ ошибку кого нибудь изъ подчиненныхъ. Въ послѣднее время Холдуновъ любилъ разнообразіе въ системѣ своего любимого развлеченія. Попался ему какъ-то почтовый дорожникъ, и однажды, сидя по какому-то случаю въ одиночествѣ, Сила Ивановичъ Холдуновъ придумалъ оригинальный способъ путешествія, не выходя изъ квартиры. Деньщикомъ у него былъ мизерный солдатикъ изъ разжалованныхъ писарей, котораго онъ держалъ въ сжовыхъ рукавицахъ, но любилъ за необыкновенную расторопность. Деньщикъ Колотушка, прошедшій огонь и воду, не придерживался, къ удивленію, чарки, а любилъ только задавать тону, одѣвался въ партикулярное платье, игралъ на бильярдѣ, выдавалъ себя за дворянина, охотникъ былъ побуйнить и поѣсть хорошенько, разумеется, на счетъ тѣхъ, въ чей кошелекъ удавалось ему запустить ловкую лапу. За всѣ эти штуки онъ подвергался строгимъ взысканіямъ, но извѣстенъ былъ тѣмъ, что тотчасъ же послѣ экзекуціи равнодушно принимался за исполненіе своей обязанности и при первомъ же случаѣ не стѣснялся снова выкинуть какую нибудь продѣлку. Когда Сила Ивановичъ вздумалъ сдѣлать изъ почтоваго дорожника новый источникъ удовольствія, онъ тотчасъ же назначилъ Колотушку станціоннымъ смотрителемъ и вручилъ ему драгоценную книгу. Съ утра онъ выбиралъ трактъ и отдавалъ приказаніе:

— Сегодня я путешествую изъ такого-то города въ такой-то.

Дѣло Колотушки было сосчитать, сколько на указанномъ трактѣ перегоновъ, и черезъ каждые полчаса звонить у двери въ большой колокольчикъ.

— Что, пріѣхали? спрашивалъ Сила Ивановичъ.

— Прибыли на такую-то станцію, ваше благородіе! отвѣчалъ Колотушка.

— Лошадей, живо!

И вслѣдъ за этимъ передъ Холдуновымъ являлся стаканъ вина или рюмка водки, смотря по программѣ. Для этого были свои термины: путешествовать подъ именемъ сивалдая, ромула, виноградника, кизлярскаго или наливайки.

Такимъ образомъ, Сила Ивановичъ предпринималъ путешествія по всѣмъ городамъ имперіи, и если выбиралъ трактъ, по которому нельзя было доѣхать въ одинъ день и на курьерскихъ, то онъ останавливался на ночлегъ, и Колотушка обозначалъ крестикомъ станцію, съ которой на другой день долженъ былъ выѣхать Сила Ивановичъ.

Съ полковникомъ Холдуновъ жилъ въ отличныхъ отношеніяхъ, и когда бывало Бѣлобоковъ смотритъ шестой эскадронъ и заѣдетъ потомъ въ гости къ Силѣ Иванычу, то не выберется иначе какъ на другой день, и то не весьма рано. Общество Холдунова напоминало полковнику его шумную молодость, и хотя, какъ мы уже видѣли, характеръ послѣдняго значительно измѣнился, однако не могло въ немъ изгладиться воспоминаніе о бивуачныхъ кострахъ, окруженныхъ «красносизыми носами», и старые служаки, припоминая боевую жизнь, припоминали вмѣстѣ и тѣ знаменитые пунши, которые распивались во время оно. Полковникъ, впрочемъ, несмотря на рыцарскія привычки, въ этихъ случаяхъ нѣсколько іезуитничалъ: онъ до ужина и за ужиномъ, пока сидѣли офицеры, пилъ весьма умѣренно, за то когда оставался наединѣ съ Холдуновымъ, собесѣдники заваривали жженку, закуривали чудовищной величины трубки и передавали другъ другу бывалыя похождения.

Холдуновъ никогда не выказывалъ ни малѣйшей оппозиціи Бѣлобокову, если послѣдній иногда прижималъ эскадронныхъ командировъ относительно фуражнаго продовольствія, не потому, что былъ внѣ тогдашнихъ понятій о наживѣ, а по совершенно особому обстоятельству. Холдуновъ велъ свое хозяйство такимъ образомъ, что выдавалъ фуражъ только лошадямъ офицерскимъ и унтеръ-офицерскимъ; рядовые же, по духу тогдашняго вре-

мени, должны были сами заботиться объ этомъ, и развѣ только въ случаяхъ исключительныхъ Сила Ивановичъ рѣшался на небольшіе расходы. Притомъ, кавалерія разиѣщалась обыкновенно на хлѣбородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ торговыя цѣны на фуражъ стояли въ нѣсколько разъ меньше справочныхъ, слѣдовательно гдѣ и хлѣбъ и сѣно находились въ изобиліи. Узнавъ о какомъ нибудь богатомъ селѣ, Холдуновъ отряжалъ опытнаго унтеръ-офицера съ рядовыми и посылалъ туда съ вѣстью, что намѣренъ перевести взводъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Жители, свободные отъ постоя, тотчасъ же пробовали вступать въ миролюбивую сдѣлку и жертвовали нѣсколько возовъ овса въ пользу эскадрона, а иногда и стогъ сѣна, такъ что, съ одной стороны, фуражъ, приобрѣтаемый подобнымъ образомъ, а съ другой — добытый собственною изобрѣтательностію, обеспечивалъ продовольствіе строевыхъ лошадей, которыя у Холдунова всегда были въ красномъ тѣлѣ. При подобныхъ средствахъ, Сила Ивановичъ не имѣлъ большой надобности спорить съ полковникомъ за какія нибудь копѣйки отъ пуда и четверти. Командуя болѣе десяти лѣтъ однимъ и тѣмъ же эскадрономъ, Холдуновъ и офицеровъ подбиралъ себѣ подходящихъ, которые, во первыхъ, отлично знали службу, а во вторыхъ не очень принадлежали къ числу плясуновъ, что, по мнѣнію Силы Ивановича, вело къ изнѣженности, къ пренебреженію обязанностей и служило однимъ изъ главныхъ поводовъ «обабиться». Последнее обстоятельство считалось самымъ печальнымъ для офицера, и на женатыхъ товарищей онъ смотрѣлъ не иначе, какъ на погибшихъ людей, которыхъ назначеніе «нянчить ребятъ и возиться съ женскими юбками, а гдѣ ужъ заниматься службою». Если только офицеръ не чувствовалъ призванія къ баламъ, не любилъ или не умѣлъ танцевать, да при этомъ могъ быть приличнымъ собутыльникомъ, онъ непремѣнно просился въ эскадронъ Силы Ивановича, для котораго, впрочемъ, было недостаточно этихъ условій, какъ скоро претендентъ не считался лучшимъ ѣздокомъ и не зналъ, какъ пять пальцевъ, эскадроннаго ученья.

— Офицеръ моего эскадрона, говаривалъ Холдуновъ, можетъ быть какимъ угодно угаромъ, пусть даже подъ-часъ примазывается къ юбкамъ, хоть это и очень нехорошо, но долженъ по службѣ заткнуть чорта за поясъ.

И дѣйствительно: офицеры его не только отчетливо исполняли свои обязанности, превосходно ѣздили, но и дѣлали это

съ какимъ-то особеннымъ шикомъ, такъ что не было смотра, на которомъ бы Сила Ивановичъ не получалъ благодарности. Штабсъ-ротмистръ Солохинъ, два брата поручики Вихрецовы и корнетъ Мухорчиковъ если не были похожи другъ на друга лицомъ и имѣли нѣкоторыя частныя отличія, то въ общихъ чертахъ сходились чрезвычайно: то же ухорство, та же нелюбовь къ женскому обществу и та же устойчивость при употребленіи спиртныхъ напитковъ. По утрамъ манежъ или ученье, потомъ обѣдъ у Силы Ивановича, если взводы стояли близко, если же нѣтъ, то вечеромъ непременно у него чай и копѣечный бостонъ. Холдуновъ и самъ былъ непрочъ перекинуться въ банчикъ, но не позволялъ себѣ играть съ своими офицерами, предоставляя послѣднимъ рѣзаться въ другихъ эскадронахъ. Литература не была у нихъ въ ходу. Кромѣ немногихъ книгъ военного содержанія, у Силы Ивановича не имѣлось ничего для чтенія, а у молодежи ходили по рукамъ только писанья стихотворенія извѣстнаго поэта, который никакъ не можетъ быть напечатанъ, хотя слава его долго не умретъ въ потомствѣ. Считаю лишнимъ именовать этого поэта, обладавшаго несомнѣннымъ талантомъ, а по отдѣлкѣ стиха и богатству рими стоявшаго выше своихъ современниковъ. Самъ Сила Ивановичъ зналъ изъ него наизусть цѣлыя тирады и любилъ декламировать, при извѣстномъ настроеніи духа. Дениса Давыдова онъ зналъ почти всего, за исключеніемъ любовныхъ пьесъ, которыя, по его мнѣнію, Денисъ Васильевичъ писалъ насухо, т. е. когда въ желудкѣ его не было ни одной капли водки. Шестой эскадронъ такъ и держалъ себя особнякомъ, и хотя въ полку можно было насчитать около десятка послѣдователей Силы Ивановича, однако они терялись въ массѣ большинства, отличавшагося, какъ я уже замѣтилъ, совершенно другимъ направленіемъ. Даже командиры прочихъ эскадроновъ, люди немолодые, выдавшіе, что называется, виды, и тѣ оказывались болѣе или менѣе любезниками и звуки бальной музыки предпочитали звону стакановъ, хотя и не чуждались при случаѣ этой неизбѣжной гармоніи. Вотъ карты другое дѣло: эта грамота была въ большомъ ходу, и если не предстояло танцевъ, офицеры за сѣдали за зеленымъ полемъ, но играли честно и строго наблюдали, чтобъ не заводилось шулерства. Одинъ офицеръ, наострившійся гдѣ-то разнымъ продѣлкамъ, вздумалъ было пустить въ ходъ нѣкоторыя приемы, дающіе банкету значительный

шансъ, но товарищи скоро его раскусили и какъ это случилось въ сентябрѣ, то, не говоря ему ни слова, приказали изготовить прошеніе объ отставкѣ по домашнимъ обстоятельствамъ, очень вѣжливо попросили артиста подписать и оставить полкъ безъ всякихъ оправданій и отговорокъ.

Несмотря на свое особенное направленіе, шестой эскадронъ жилъ очень дружно съ прочими товарищами, а если и случались пикировки, то все это дѣлалось шутя и деликатно, и не разъ какой нибудь шестоэскадронецъ ѣздилъ на балъ посмѣяться, а отчаянный какой нибудь волокита пріѣзжалъ къ Силѣ Ивановичу отвѣдать холдуновскаго пунша, извѣстнаго во всей дивизіи по свойству въ нѣсколько минутъ отуманить самую крѣпкую голову.

Офицеры прочихъ эскадроновъ были «добрые малые», большинство безъ всякаго образованія, нѣсколько университетскихъ, человѣкъ шесть богатыхъ, человѣкъ пятнадцать съ состояніемъ, а остальные перебывали такъ себѣ, но всѣ болѣе или менѣе считались порядочными танцорами, читали разныя «книжки», подь-часъ пошаливали, но преимущественно упражнялись въ волокитствахъ и на постоянныхъ квартирахъ и на походѣ. Много можно было бы назвать спеціалистовъ по этой части: всѣ штабные, напримѣръ, вертятся вѣчно по городамъ, были великіе мастера въ искусствѣ ухаживанья; но пальма первенства принадлежала четвертаго эскадрона поручику Винорѣцкому. Это былъ типъ тогдашняго Донъ-Жуана, передѣланнаго на русскіе и притомъ кавалерійскіе нравы, разбившійся теперь на нѣсколько видовъ. Типъ армейскаго записнаго волокиты конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ любопытенъ, хотя и попадался не во всѣхъ полкахъ, особенно когда кутежъ и разгульные увеселенія были преобладающею чертою въ быту армейцевъ. Винорѣцкій, изъ достаточныхъ дворянъ, поступилъ въ полкъ прямо изъ дому, получивъ порядочное воспитаніе отъ хорошаго учителя, отставнаго инженера, и владѣлъ отлично французскимъ языкомъ, краеугольнымъ камнемъ тогдашняго образованія; въ военную службу онъ принесъ съ собою и мечтательность, и робость, и какую-то мягкость характера, нетроуятаго школьнымъ товариществомъ. Пятнадцати лѣтъ онъ уже былъ влюбленъ въ свою двоюродную сестру и хотѣлъ утопиться, когда она вышла замужъ. Около года любовь эта таилась у него въ сердцѣ; но мало по малу образъ измѣнницы началъ изглажи-

ваться изъ его памяти, особенно когда съ родителями посѣтилъ онъ одну большую ярмарку. Здѣсь, кромѣ множества хорошенькихъ личекъ, юноша первый разъ увидѣлъ двухъ уланъ въ полной формѣ, которые очаровали его такъ, что онъ тутъ же началъ проситься въ военную службу. Хотя слово и было дано, однако мать цѣлый годъ еще отвлекала общаніе подѣ разными предлогами, въ теченіе котораго молодой человѣкъ ѣздилъ верхомъ, бралъ уроки фехтованія и, несмотря на свой миролюбивый характеръ, бредилъ кровавыми битвами, отличіями и не разъ, предавшись мечтамъ, доходилъ до того, что воображалъ себя фельдмаршаломъ. Наконецъ мечты юноши осуществились: отецъ отвезъ его къ прежнему своему сослуживцу, командиру одной уланской бригады, который не только опредѣлилъ Винорѣцкаго и взялъ подѣ свое покровительство, но и помѣстилъ у себя на квартирѣ. Такимъ образомъ, служба на первыхъ уже порахъ улыбнулась молодому человѣку; онъ съ восторгомъ надѣлъ юнкерскій мундиръ и появился на балахъ губернскаго города. Надобно, однакожь, отдать справедливость Винорѣцкому, что протекція бригаднаго командира не помѣшала ему заняться ревностно дѣломъ, и онъ не больше какъ въ годъ ѣздилъ отлично, узналъ все, что было ему необходимо для производства въ офицеры.

Красивый собой, ловкій, вкрадчивый, отлично сложенный и съ хорошимъ состояніемъ, Владиміръ Андреевичъ Винорѣцкій скоро сдѣлался баловнемъ женщинъ, и когда, надѣвъ эполеты, онъ простоялъ года съ два въ Варшавѣ, то рѣшительно сдѣлался отчаяннымъ волокитой. И говорить нечего, что кузина давно была забыта, да и нѣсколько юнкерскихъ страстишекъ отправились вслѣдъ за нею, а впоследствии Винорѣцкій потерялъ уже счетъ возлюбленнымъ, потому что ухаживалъ вездѣ постоянно и за нѣсколькими особами разомъ. Это былъ своего рода псевдо-платоникъ: начиналъ онъ всегда мечтами и вздохами, но оканчивалъ нерѣдко болѣе матеріальнымъ образомъ, такъ что платоники причисляли его къ своей партіи, а матеріалисты къ своей, хотя онъ и не придерживался ни тѣхъ, ни другихъ, а дѣйствовалъ во всемъ самостоятельно, по вдохновенію. Открыто онъ говорилъ товарищамъ, что считаетъ женщинъ куклами, что любилъ всего одинъ разъ въ жизни и за измѣну кузины будетъ до гроба мстить каждой юбкѣ, добываясь взаимности и потомъ бросая обманутую жертву, чтобъ начать поиски за но-

вой; но въ сущности происходило далеко не такъ, какъ говорилось. Винорѣцкій влюблялся почти въ каждое смазливое личико, добивался отвѣта, и чуть только ему уступали, онъ уже не довольствовался побѣдой, а устремлялся за другой, отыскивая новую пищу для своей дѣятельности. Конечно, здѣсь главную роль играло самолюбіе, потому что нерѣдко онъ ухаживалъ за дѣвушкой, которая расположена была къ другому, и старался только отбить ее у товарища, чему много способствовали его красовая наружность, ловкость и образованіе. Если же онъ встрѣчалъ холодность или нападалъ на болѣе опытную особу, которая сама любила водить за носъ поклонниковъ, то употреблялъ невѣроятныя усилія для овладѣнія непреклонной, влюблялся серьезно и страдалъ по мѣсяцу и по два, пока наконецъ не одерживалъ побѣды или не видѣлъ, что напрасны всѣ подступы и ухищренія. Но обаяніе его между женщинами было такъ велико, что, несмотря на частыя невѣрности, на постоянныя измѣны, на не совѣмъ иногда хорошія выходки съ предметами страсти, онъ умѣлъ входить въ довѣренность къ дѣвушкамъ и, начиная романъ, увѣрялъ, что любить первый разъ въ жизни, а все предъидущее называлъ вспышками молодости, поисками за идеаломъ и т. п.; однимъ словомъ, говорилъ извѣстныя сказки, которымъ давно не вѣрятъ вообще, но которыя нерѣдко находятъ вѣру въ частности, особенно у молоденькихъ дѣвицъ, жаждущихъ испытать такъ называемое «неземное чувство». По поводу волокитства онъ имѣлъ нѣсколько исторій съ товарищами и одну серьезную дуэль, окончившуюся трагическимъ образомъ. Онъ вздумалъ какъ-то ухаживать за хорошенькой дѣвушкой, которая дала слово своему сосѣду и была уже помолвлена. Хитрыя исканія Винорѣцкаго, прикинувшагося безнадежнымъ страдальцемъ, проповѣдывавшаго горечь нераздѣленной любви, намекавшаго о самоубійствѣ, не имѣли успѣха, и дѣвушка оставалась вѣрна челоуѣку, съ которымъ готовилась соединить судьбу свою. Винорѣцкій рѣшился на послѣднее средство: написалъ ей пламенное письмо, которымъ умолялъ выйти на пять минутъ въ садъ, обѣщая, что онъ уже не будетъ надоѣдать любовью, а только хочетъ попросить у нея прощенія за свои преслѣдованія. Онъ прибавилъ, что удалится навсегда, тотчасъ же уѣдетъ на Кавказъ, гдѣ его, конечно, убьютъ и т. п. Разсчитывалъ ли онъ на этотъ эффектъ, дѣйствовалъ ли очертя голову, только при одномъ знакомомъ соперника

сказалъ товарищамъ, что пользуется расположеніемъ красавицы, и въ доказательство упомянулъ о назначенномъ свиданіи. Добродушная дѣвушка не знала намѣреній Винорѣцкаго и, считая чувство его истиннымъ, въ душѣ жалѣла молодаго человѣка, не разъ совѣтовала ему забыть ее, и когда получила извѣстное письмо, на которомъ брызнуто было нѣсколько капель воды, показавшихся ей слѣдами слезъ, она рѣшилась исполнить просьбу страдальца и вечеромъ вышла потихоньку въ садъ попрощаться съ нимъ навѣки. Винорѣцкій отлично сыгралъ свою роль, дѣвушка даже расплакалась, протягивая ему руку... Но вдали стоялъ женихъ, который только видѣлъ сцену, а не слышалъ разговора, и вслѣдствіе этого, на другой же день, рано утромъ недалеко въ рощѣ происходилъ поединокъ. Женихъ былъ раненъ тяжело, Винорѣцкій легко, и какъ въ старину подобныя вещи не возбуждали серьезныхъ преслѣдованій, то послѣдній хоть и былъ судимъ, однако отдѣлался долговременнымъ арестомъ и церковнымъ покаяніемъ. Катастрофа эта, впрочемъ, не послужила Винорѣцкому урокомъ: онъ попрежнему предавался волокитствамъ и даже недолго чувствовалъ угрызенія совѣсти, хотя былъ мягкій и добрый отъ природы, на томъ основаніи, что убить противника на поединкѣ, при соблюденіи всѣхъ дуэльных формальностей, не считалось предосудительнымъ. Убѣжденіе это подкрѣплялось еще тѣмъ, что онъ уступилъ противнику первый выстрѣлъ, принадлежавшій ему по праву вызова. Лишь въ рѣдкія минуты образъ убитаго являлся укоромъ на памяти Винорѣцкаго и щемилъ его за сердце, когда онъ припоминалъ молодую дѣвушку всю въ черномъ, павшую жертвой его необдуманной вѣтрености.

Въ сущности это былъ добрый малый, отличный товарищъ, довольно начитанный для тогдашняго времени, любимымъ по этому котораго былъ Байронъ, извѣстный ему, однакожь, во французскомъ переводѣ, а впослѣдствіи, во время стоянки въ Польшѣ, и Мицкевичъ. Правда, что начитанность ему немного служила въ пользу: онъ ничего не почерпнулъ изъ серьезныхъ сочиненій, а только могъ пересказать содержаніе какого нибудь романа; за то довольно было сослаться, хоть и не кстати, на Вольтера, чтобы однихъ привести въ ужасъ, а другому показать глубокимъ ученымъ. Вольтеръ у многихъ почтенныхъ людей и теперъ еще считается идеаломъ безбожія и анархіи, хотя эти почтенные люди ни разу въ жизни не давали себѣ

труда прочесть сочиненія прославленнаго атеиста. Я помню, какъ, лѣтъ двадцать съ небольшимъ назадъ, образованныя матери чуть не на колѣняхъ умоляли сыновей не читать Вольтера и не набираться разныхъ такихъ идей, но о другихъ энциклопедистахъ и не упоминали, конечно по невѣдѣнiю. Винорѣцкiй не занимался ничѣмъ серьезно, да и не имѣлъ времени: въ семнадцать лѣтъ окончилось его воспитанiе; если же, надѣвъ военный мундиръ, онъ не заботился о саморазвитiи, то этого нельзя было поставить ему въ вину, потому что въ ту пору и окончившiе курсъ въ университетахъ офицеры, поступивъ на службу, бросали всю школьную премудрость.

Впрочемъ, Винорѣцкiй хотъ и не получилъ основательнаго общаго образованiя какъ баловень невѣжественныхъ родителей, однако, обладая здравымъ смысломъ, былъ развитъ значительно болѣе многихъ товарищей, изъ которыхъ иные, кромѣ российской грамоты, ничего не умѣли; были, правда, и такiе, что болтали по-французски, но этою болтовнею и оканчивались всѣ ихъ познанiя. Винорѣцкiй зналъ кое-какъ географiю, по крайней мѣрѣ могъ на картѣ отыскать данную мѣстность, тогда какъ для большинства и это было тарбарской грамотой. Наконецъ, онъ на столько помнилъ исторiю, что, въ случаѣ общаго гдѣ нибудь разговора, не переносилъ лицъ одной эпохи въ другую и съ сожалѣнiемъ смотрѣлъ на тѣхъ, которые во всеуслышанiе проповѣдывали, «что всѣ эти философы, физики и прочiе мудрецы были дармоѣды, которыхъ слѣдовало бы дуть безъ церемонiи фухтелями». Винорѣцкiй даже завидовалъ въ душѣ тому, кого считалъ образованнѣе себя; но это случалось уже во время скуки въ большихъ антрактахъ между волокитствами, а то ему просто иногда нехватало досуга написать письма къ матери. Въ кутежахъ онъ участвовалъ неохотно, во первыхъ, не чувствуя къ нимъ никакого влеченiя; во вторыхъ, каждый лишнiй стаканъ вина дѣйствовалъ на его натуру: Винорѣцкiй заболѣвалъ послѣ самой мизерной попойки. Изъ всѣхъ полковыхъ развлеченiй онъ любилъ больше всего охоту съ ружьемъ, къ которой и прибѣгалъ, если нужно было коротать такъ называемыя «потерянныя минуты». Онъ, впрочемъ, постоянно рыскалъ по уѣзду и окрестностямъ, не пропускалъ ни одного бала и порой въ нѣсколькихъ мѣстахъ велъ легкiя волокитства, независимо отъ одного главнаго, нерѣдко требовавшаго дальнихъ поѣздокъ. Съ выходомъ полка, разумѣется, оканчивались

всѣ эти привязанности, несмотря на слезы разлуки, на общанія, на переписку, которая длилась иногда нѣсколько мѣсяцевъ; новыя знакомства, завязываемыя на походѣ, балы на дняхъ и надежды на неизвѣстную даль служили Винорѣцкому достаточнымъ развлеченіемъ, а при вступленіи на новыя квартиры тотчасъ же у него возникали новыя сердечныя отношенія. Прочіе полковыя волокиты, изъ которыхъ матеріалисты шли своимъ путемъ, а платоники витали въ сферахъ фантазіи, не были ему очень опасны, не только потому, что онъ превосходилъ всѣхъ паружностию, но и оттого, что, при необыкновенной подвижности и дѣятельности, онъ легче другихъ успѣвалъ овладѣвать вниманіемъ одной или двухъ хорошенькихъ дѣвушекъ въ окологдѣ. Всѣ свои умственныя способности онъ сосредоточивалъ на волокитствахъ и такъ усовершенствовался на этомъ поприщѣ, столько представилъ доказательствъ изворотливости, іезуитизма и настойчивости, что товарищи не пытались уже перебывать ему дорогу, изъ боязни, что Винорѣцкій изъ одной только прихоти можетъ разрушить собственное ихъ благополучіе, чему и бывали неоднократные примѣры. Честный и благородный во всѣхъ прочіихъ отношеніяхъ, Винорѣцкій не внушалъ, однакожь, ни малѣйшаго довѣрія, если дѣло шло о нѣжной страсти: въ этомъ случаѣ никто не искалъ его помощи, не спрашивалъ совѣта, напротивъ всѣ избѣгали вѣрять ему малѣйшую тайну, потому что онъ тотчасъ же пользовался оплошностию и неловкостію какого нибудь платоника или матеріалиста. Товарищи смутно понимали, что Винорѣцкій неискренень, что проповѣдывалъ онъ индеферентизмъ въ дѣлѣ любви чисто напускной, что онъ влюблялся, по выраженію тогдашняго времени, какъ кошка; однако если нѣкоторые изъ нихъ пытались вредить ему у прекраснаго пола, рассказывая о его многочисленныхъ подвигахъ, то рѣшительно не имѣли успѣха. Это дѣлали, впрочемъ, новички; люди, ближе знакомые, не пытались уже вести съ нимъ войну на поприщѣ волокитства.

А. ЧУЖБИНСКІЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)